

УДК 82-343

DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-17-45

Возраст мотива и способы его определения

Юрий Е. Березкин

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия; berezkin1@gmail.com*

Аннотация. Статья написана в контексте проекта создания базы данных фольклора и мифологии мира. Его цель – определение ареалов фольклорных мотивов и сопоставление результатов с данными других исторических дисциплин. Это позволяет связать распространение мотивов с определенными культурными и демографическими процессами, имевшими место в различные эпохи. Взгляды С. Томпсона относительно целей исследований, отраженные в структуре созданных им указателей, оказали определяющее и не всегда благотворное влияние на развитие фольклористики во второй половине XX в. Для автора статьи основной аналитической единицей является мотив, который отличается от элементарных мотивов Томпсона и включает любые подверженные репликации элементы текстов, в том числе повествовательные эпизоды, отражающие картину мира образы, словесные формулы, имена собственные и проч. Особо рассматриваются мотивы, характерные для повествований с зооморфными протagonистами. Эпизоды этих повествований и видовая принадлежность протagonистов независимы друг от друга, причем видовая принадлежность – более устойчивая характеристика. Ареалы распространения соответствующих мотивов (типа трикстер-лиса или трикстер-заяц) должны были сформироваться раньше ареалов распространения конкретных эпизодов.

Ключевые слова: сюжеты и мотивы фольклора, история фольклористики, сказка о животных, трикстеры, заселение Америки

Для цитирования: Березкин Ю.Е. Возраст мотива и способы его определения // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 1 (3). С. 17–45. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-17-45

A motif's age and ways to determine it

Yuri E. Berezkin

*Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia; berezkin1@gmail.com*

Abstract: The paper is written within the context of the project aimed at creating a database of world folklore and mythology. As soon as we outline the areas of expansion of thousands of folklore motifs, we can compare the results with the data provided by other historical disciplines. Patterns of motif distribution can be explained via cultural and demographic processes present in certain periods. S. Thompson's views concerning the aim of his research inspired the structure of his folklore indexes and overwhelmingly influenced the development of folklore studies between 1940 and 1990. This influence was not always for the better. For the author of the current paper, the main analytical unit is the motif. Unlike the elementary motifs of S. Thompson, it means any elements of the text that are subject to replication, including narrative episodes, images reflecting worldview, clichés, personal names and the like. In the paper particular attention is paid to the motifs characteristic for animal tales. Episodes of such tales and the animal characteristics of the protagonists are independent from each other, the latter being more stable than the former. Areas of distribution of the corresponding motifs (trickster fox, trickster hare, etc.) must have formed earlier than the areas of distribution of particular episodes.

Keywords: tale types and folklore motifs, history of folklore studies, animal tales, tricksters, settlement of America

For citation: Berezkin YuE. A motif's age and ways to determine it. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2019;1(3):17-45. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-17-45

Цель исследований

Прежде всего о цели проекта, в контексте которого написана эта статья.

Задача науки – познание того, что скрыто от непосредственного наблюдения. Распространение элементов фольклора по миру от непосредственного наблюдения скрыто, и чтобы выявить эти данные, нужно время. Подобные затраты оправданы только в случае, если есть способ узнать, когда именно распространялись мотивы, условно говоря, их возраст. Невозможность датировать параллели между отдельными традициями – соседними и удаленными – была одной из причин (хотя вряд ли главной) прекращения подобного рода исследований, достаточно популярных в конце XIX – начале XX в.

Выяснить, когда и где Красная Шапочка впервые познакомилась с волком [1,2], любопытно, однако взятый в отдельности, этот факт для историка не существен. Исследования в направлении, которое мы пытаемся развивать, в перспективе претендуют на решение более масштабных задач. Традиционные нарративы – это прежде всего материал, обращаясь к которому можно проследить динамику контактов между людьми. История человечества есть в том числе и процесс расхождения траекторий развития региональных культурных традиций, покуда эти традиции изолированы одна от другой, и их взаимообогащения, когда обмен информацией усиливался. Инновации в технологической сфере и появление новых форм социально-политического устройства невозможно отследить в момент их зарождения, но они делаются заметны, распространяясь на больших территориях. Именно в этом случае инновации становятся двигателем эволюции. Распространение на больших территориях предполагает появление соответствующих путей и сетей обмена информацией. О них мы и стремимся узнать. Анализируя «большие данные» по фольклору и мифологии, мы можем подтвердить существование и конкретизировать содержание межрегиональных связей, в том числе и таких, которые иначе плохо улавливаются. Речь идет как о ранних периодах культурогенеза, начиная со времени выхода человека современного вида из Африки, так и о процессах, которые разворачивались уже на глазах истории, но не были (и не могли быть) достаточно полно освещены письменными источниками.

Изучение ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов – не универсальный ключ к прошлому, а всего лишь один из многих способов узнать, «что случилось в истории» (Г. Чайлд). Каждая историческая дисциплина, основываясь на собственных методах, освещает лишь одну из сторон процесса. Практика показывает, что результаты, полученные разными дисциплинами, никогда полностью не совпадают. Бесконечные споры о корреляции или отсутствии таковой между данными археологии и лингвистики хорошо известны. Ценность совокупности традиционных нарративов как источника данных о прошлом состоит в том, что он независим от остальных и содержит информацию о таких явлениях и процессах, о которых другие молчат. Тем самым общая картина делается более объемной и близкой к реальности.

Указатели отражают научные парадигмы

Подводя читателя к определению содержащегося в названии статьи термина «мотив», начнем с характеристики фольклорных указателей.

Как хорошо известно, существуют два варианта классификации элементов традиционных нарративов. Один из них положен в основу указателей по системе Аарне – Томпсона – Утера, сокращенно ATU [3]. В 1910 г. финский ученый Антти Аарне опубликовал список из 1960 сюжетов (Märchentypen), включавший их номера, названия и – для большинства – краткие формулировки. Вошедшие в список сюжеты не были выделены исключительно самим Аарне, их набор постепенно определился в ходе исследований, которые многие выдающиеся фольклористы, начиная с Якоба Гримма, вели на протяжении предыдущих ста лет. Ссылки на источники А. Аарне не привел, не считая ссылок на Гриммов. В 1927 г., через два года после смерти А. Аарне, был создан основанный на его указателе, но расширенный и снабженный ссылками указатель С. Томпсона, известный как «Аарне – Томпсон» (АТ). Признанным и цитируемым стал, однако, не первоначальный, а отредактированный и дополненный вариант, опубликованный в 1961 г. В 2004 г. появился новейший вариант Х.-Й. Утера, еще более расширенный за счет систематических ссылок на источники и развернутых определений сюжетов.

Обычно первые две (а теперь и все три) фамилии создателей ATU употребляются «слитно», но между «Аарне» и «Томпсоном» есть разница.

Географический горизонт Аарне был уже, ограничивался Европой, Ближним Востоком и Индией, причем за пределами Европы речь шла почти исключительно о текстах хотя и фольклорного происхождения, но сохранившихся в письменных источниках. Томпсон не только был хорошо знаком с записанным в XIX – начале XX в. фольклором Южной Азии [4], но и владел всей полнотой информации по традиционным нарративам североамериканских индейцев [5,6,7]. Правда, Дальний Восток и Центральную Азию Томпсон совершенно не знал и, кажется, делал вид, что этих регионов на планете не существует.

Аарне, как и все представители Финской школы, занимался исторической проблематикой: его интересовало место происхождения и время распространения конкретных сюжетов. Томпсона историческая проблематика мало интересовала, он занимался разработкой типологии элементов фольклора. Равнодушие Томпсона к истории могло быть вызвано тем, что он (как и многие в его время?) предполагал, что она нам уже известна. Это хорошо видно по нарисованной им в монографии 1946 г. панораме мирового фольклора на фоне краткой характеристики обществ Старого Света. Как и Боас, Томпсон не интересовался археологией, а прошлое для него заканчивалось на Древней Греции и Древней Индии.

Понимая, что сюжетная и жанровая система, созданная фольклористами для Европы, к американскому (и прочему удаленному от нуклеарной зоны Старого Света) материалу не приложима, Томпсон придумал новую, претендующую на универсальность и независимость от какой-либо региональной специфики. Речь идет о его указателе элементарных мотивов [8,9]. В своей основной работе, посвященной всесторонней характеристике фольклора и определяющей цели и методику его изучения, Томпсон высказался вполне однозначно: «Главный смысл указателя мотивов – продемонстрировать идентичность или сходство элементов повествований по всему миру... Указатель сюжетов предполагает, что все варианты определенного сюжета восходят к одному (have a genetic relationship); указатель мотивов [для соответствующих аналитических единиц] этого не предполагает» [10 р. 416]. Хотя Томпсон включал в задачи фольклористики также и изучение происхождения сюжетов, его деятельность была посвящена главным образом созданию универсального списка мотивов.

Томпсон принял положение Финской школы по поводу того, что «сюжетный тип есть традиционный нарратив, существующий независимо», противопоставив сюжету мотив в качестве «наименьшей единицы повествования, обладающей способностью сохраняться в традиции» [10 р. 415]. Критической ошибкой (с нашей точки зрения, но вполне логичным с позиции Томпсона) был акцент на определении «наименьший». Второй ошибкой, прямо из теоретической установки не вытекающей, был взгляд на сюжет как на нечто «единое и неделимое». При этом Томпсон не мог не знать, что наборы эпизодов в сюжетах варьируются, а одинаковые эпизоды (а не только элементарные мотивы) встречаются в разных сюжетах.

Многочисленные недостатки Финской школы известны [11], однако они не дискредитируют желания ее представителей реконструировать прошлое – пусть хотя бы в ограниченной области истории нарративов. Переход к исследованиям, рассматривающим фольклор как систему, отражающую скорее психологию человека (в целом как вида или в контексте определенной культурной и природной среды) либо нынешнюю культурную и социальную ситуацию, а не те или иные процессы, имевшие место в прошлом, был вызван не ошибками А. Аарне и его коллег, а эпохальным переходом от «раннего Боаса» (в США) и миграционизма (в Европе) к не- и антиисторическим направлениям в антропологии – функционализму, психологизму, структурализму и проч. Этот переход был закреплен разгромом немецкой науки после поражения Германии и ее союзников во Второй мировой войне и определил нынешнее состояние культурной антропологии.

Конечные причины подобного тренда разнообразны, и мы не станем в них углубляться. Подчеркнем лишь, что речь идет не о степени убедительности теоретических постулатов и не о личных заслугах лидеров направлений. Многие утверждения Л. Фробениуса или В. Шмидта поражают своей нелепостью, а заслуги Б. Малиновского не вызывают сомнений. Дело в другом: немецкая и зависимая от нее скандинавская культурная антропология в итоге стремились ответить на вопрос, как общество и культура развились, тогда как английская (а затем и американская) – как они организованы и функционируют. Достойны изучения оба вопроса, но первый из них в XX в. был вытеснен на периферию культурной антропологии, и это не совсем правильно.

Что же касается фольклорных указателей, то оба они – указатель сюжетов по системе ATU и указатель элементарных мотивов – остаются общепризнанными ориентирами для исследователей. И поскольку один оперирует сюжетами (*tale types*), а другой – мотивами, разработанная Томпсоном дихотомия этих терминов глубоко укоренилась. На наш взгляд, различия между двумя понятиями в данном случае связаны не столько с их разной емкостью, длиной определений, соподчиненностью [12], способностью или неспособностью многократно независимо возникать [13 с. 301–335] и т. п., сколько с разницей в парадигмах, в рамках которых указатель сюжетов и указатель мотивов были созданы.

Элементарные мотивы Томпсона предшествуют материалу. Они хотя и опираются на реальные прецеденты, однако последние выбраны лишь в качестве примеров и для каждого случая немногочисленны, а нередко и единичны. Система в целом сконструирована дедуктивно и не только не отражает особенностей конкретных региональных наборов элементов фольклора, но построена так, чтобы минимизировать их влияние. Определения для одних мотивов сформулированы максимально общо, а для других – максимально конкретно. Соответственно часть выделенных подобным образом элементов фольклора можно обнаружить повсюду, а часть встречается сугубо локально. Поэтому указатель элементарных мотивов хотя и может быть использован для структурированного описания картины мира в той или иной традиции (сперва про солнце и луну, затем про звезды, дальше про дождь и грозу, происхождение людей и т. д. [14]), но категорически непригоден для сравнения отдельных традиций и определения меры различия/сходства между ними.

Идеология указателя ATU иная, или точнее, она была иной в период его создания. Этот указатель появился как раз для выявления если не региональной специфики (о ней, как и о возможности статистической обработки материала, Аарне, конечно,

не думал), но для прослеживания распространения сюжетных типов, возникших в определенном месте и в определенное время. Можем ли мы это место и время вычислить – другой вопрос, но независимое параллельное развитие одного и того же сюжета не предполагалось. И действительно: учитывая распространение любого сюжета в пределах одних, причем достаточно компактных, ареалов при отсутствии в других, параллельное независимое возникновение крайне маловероятно. «Восточное» – в духе Т. Бенфея, Э. Коскена и С.Ф. Ольденбурга [15,16,17,18] – происхождение европейских сказок Аарне не исключал, но и не принимал за основную гипотезу.

Невозможно сказать, в каком направлении развивался бы указатель сюжетов, если бы им продолжали заниматься представители Финской школы. Однако Томпсон стоял на других позициях. Формулировки сюжетов у Аарне были краткими и конкретными. Основываясь на них, можно однозначно определить, соответствует ли тот или иной текст данному сюжету или нет. В редакции С. Томпсона определения стали гораздо более длинными, включили альтернативные варианты и оказались выстроены из кирпичиков – пронумерованных элементарных мотивов. В последней редакции Х.-Й. Утера определения стали еще более пространственными и многоплановыми. Отсылки к элементарным мотивам отошли на второй план, но появились чуть ли не подробные резюме конкретных текстов. Уже в редакции Томпсона имеющие разное ареальное распространение, а порой вообще никогда не сочетающиеся эпизоды оказались под одним номером, но у Утера эта тенденция стала гораздо заметнее.

Если использовать указатель АТУ исключительно для поиска параллелей текстам, которые изучает исследователь, то во всем этом нет беды. Обращаясь к первоисточникам, специалист сам определит, что действительно похоже, а что нет, – главное, чтобы для каждого сюжета имелся список публикаций, в которых, по мнению составителя, соответствующие тексты содержатся. Период между 1950 и 1980/1985 гг. был временем расцвета классической фольклористики. Именно тогда в СССР было опубликовано большинство выпусков серии «Сказки и мифы народов Востока», которые затем, при создании новой версии международного указателя, стали одним из важных источников новых данных для Х.-Й. Утера. Для фольклористов третьей четверти XX в. указатель АТ был адекватен задачам, которые они перед собой ставили. Да и как иначе, если едва ли не главная в том и состояла, чтобы определить сюжетную принадлежность текстов, сопоставляя их с признанными образцами и тем самым размещая свой материал по ячейкам универсальной структуры.

К концу XX в. ситуация стала меняться.

С одной стороны, описываемый в АТ (после 2004 г. – АТУ) сказочный фольклор перестал быть частью живой культуры. Устные нарративы продолжали функционировать, но по мере ухода со сцены прежних социальных групп и страт и появления новых, свойственных городскому постиндустриальному обществу, они изменили свое содержание и жанровую природу. Фольклор превращался в постфольклор, меняющийся быстрее, чем может быть создана его типология, а традиционный фольклор специалистам по постфольклору оказался не нужен. В результате сотни тысяч опубликованных текстов стали уходить из поля зрения исследователей.

С другой стороны, ввод в научный оборот большого массива ранее не публиковавшихся или напечатанных в труднодоступных источниках традиционных нарративов не сопровождался инновациями в области теории и методики обработки данных, которые позволили бы воспользоваться открывающимися возможностями. Для исследований в рамках структуралистской (или любой другой не-исторической) парадигмы массовый материал вообще не требовался и публикаций XIX в. было, в сущности, достаточно. Что же касается авторов, которые непосредственно занимались систематизацией и изданием сборников сказок и мифов, то большинство из них, похоже, не понимали важности своего труда.

Об этом свидетельствуют предисловия к сборникам. Возьмем наугад любой. Под руку попались «Абазинские народные сказки». Из предисловия мы узнаем, что «в борьбе с врагами герой пользуется различными чудесными предметами», что «к особенностям абазинской сказки нужно отнести ее оптимизм и насыщенность социальными мотивами», что «в сказке используются традиционные присказки, зачины, концовки» и т. д. [19]. Подобные трюизмы типичны, тогда как о сопоставлении сюжетного фонда той или иной традиции с соответствующими фондами других традиций не говорится ни слова. Идеологическим давлением советской эпохи подобную ситуацию не объяснить. В предисловиях к обильно появлявшимся в это же время американским публикациям фольклора индейцев (в основном переизданий оригиналов конца XIX – начала XX в.) и эскимосов (чьи устные нарративы были в большинстве своем зафиксированы позже) мы также не найдем замечаний относительно распространенности или этнической специфичности сюжетов. Слов о «насыщенности социальными мотивами» нет, но вместо этого подчеркивается связь с природой, с симпатией описываются рассказчики, высоко оцениваются традиционные формы природопользования, навыки и ремесла. Иначе говоря, нарративы интересуют исследователей не сами по себе, а

рассматриваются только в контексте определенных культур. Контраст с публикациями Ф. Боаса [20,21], многие из которых почти целиком состояли из текстов в оригинале и в переводе без попыток объяснить их «значение», а указания на сюжетные параллели в других традициях занимали важнейшее место, разительны.

Отсутствие парадигмы, в рамках которой гигантский накопленный материал по фольклору и мифологии мог бы стать источником действительно нового знания, равно как и отсутствие необходимого для анализа этого материала исследовательского инструмента к концу XX в. стали очевидны. По-видимому, предполагалось, что инструмент уже есть и им является указатель АТ (ATU). В недавнее время некоторые авторы действительно попытались использовать его данные, применяя методы статистики, что привело к, мягко говоря, сомнительным результатам [22,23]. Тем не менее немногочисленные методически недостаточно разработанные современные попытки извлечь из большой совокупности материалов фольклора информацию, которая определяется не содержанием или структурой текстов, а вариациями в сходстве/различии между наборами сюжетов в разных традициях, свидетельствуют о появлении «запроса» на такого рода исследования.

Процессы последних десятилетий находят некоторые параллели в прошлом. В период между двумя мировыми войнами традиционные культурные формы у большинства американских аборигенов либо исчезли, либо наполнились иным содержанием, а вместо них возникали новые, требовавшие других методов исследования и, главное, заставлявшие специалистов ставить перед собой совершенно иные цели, нежели в 1890-х или даже в 1910-х гг. Как следствие, накопленные за полвека этнографические и фольклорные материалы не представляли уже интереса для тех, кто начал изучать процессы аккультурации или задумываться о влиянии приемов воспитания детей на формирование культурных стереотипов. Однако гигантский объем накопленной информации не остался лежать мертвым грузом. Вполне закономерно появились исследователи, посвятившие себя именно тому, что других перестало интересовать. В результате ранее относительно единая американская антропологическая школа разделилась на направления настолько разные, что друг друга они больше не замечали. Представители школы «культура и личность» занялись современностью, а неозоволюционисты и Дж. Мердок – выявлением закономерностей в развитии общества. Подобный переход не был одномоментным, так что Р. Бенедикт и Л. Уайт оба публиковали вполне боасианские по форме собранные ими данные о культуре пуэбло [24,25,26]. Однако концептуальные расхождения между направлениями имели кардинальный характер.

Мотивы

Подчеркнем еще раз, что термин «мотив» в нашем употреблении имеет иное значение, нежели у С. Томпсона. Указатель элементарных мотивов Томпсона не используется нами постольку, поскольку он не является инструментом для выявления региональной специфики. Впрочем, достаточно и того, что этот указатель не содержит систематических отсылок к первоисточникам, а самостоятельная обработка материала сотен традиций на основе томпсоновской системы настолько трудоемка [27,14,28], что в широких масштабах вряд ли осуществима. Другое дело – указатель ATU. Он сохраняет актуальность, но требует оценки материала по каждому сюжету, выделения адекватных аналитических единиц (совпадающих или не совпадающих с сюжетными типами ATU) и интеграции их в более универсальную систему, созданием которой мы и занимаемся. Как и указатель мотивов Томпсона, эта система претендует на всемирный охват, но не потому, что лишена региональной специфики, а поскольку способна на основе одной и той же методики структурировать материалы любой традиции.

Итак, что же такое в нашей трактовке «мотив»? Данный термин приложим к разным видам аналитических единиц, которые не вполне альтернативны, но все же не идентичны. Общее между ними – это устойчивость (которую подтверждает встречаемость во многих традициях, но при этом не хаотическое рассеянное распространение по планете) и способность вступать в разнообразные комбинации, порождая неограниченно большое количество текстовых вариантов.

Мы рассматриваем встречающиеся в разных традициях одинаковые эпизоды повествований (они есть, разумеется, и в одной традиции, но речь идет о сравнении традиций, а не о типологии ради типологии). С некоторыми из подобных эпизодов сюжеты ATU полностью или в основном совпадают. Однако в ATU, как уже говорилось, есть очень много сюжетов, которые, в сущности, представляют собой конгломераты из эпизодов. Наряду с тем, который заявлен в названии, в описание включены и другие, которые сами могут выступать на правах отдельного сюжета, а также встречаться в текстах, относимых в ATU к другим сюжетам (301, 313, 314, 327, 402, 425, 425A, 425B и мн. др.) [29 с. 156–159]. Узнать, какие именно эпизоды встречаются в тех или иных публикациях, к которым идет отсылка, а какие в них отсутствуют, без обращения к первоисточникам невозможно. Некоторые сюжеты снабжены примечанием, что «this tale exists in two [three, four. – Ю. Б.] different forms» (37, 40A*, 44, 68*, 332C*, 400, 407 и др.). Такое положение делает бессмысленной статистическую обработку дан-

ных, поскольку в разных традициях сюжетам под одним номером будут соответствовать тексты разного содержания.

В фольклоре не только Нового, но и Старого Света есть несколько тысяч повествовательных эпизодов, которые в АТУ не учтены. Даже если часть из них попала в региональные указатели, им не присвоены «канонические» номера, список которых закрыт, так что проблема поиска соответствий в разных традициях остается неразрешенной. В отношении простоты/сложности, способности образовывать различные комбинации с другими эпизодами, а также заимствоваться из одной традиции в другую, от эпизодов, включенных в АТУ, оставшиеся вне АТУ не отличаются. Для Северной Америки некоторые были выделены Ф. Боасом и его младшими коллегами еще до появления указателя Аарне [20,30,31,32,33]. К сожалению, в связи со сменой парадигмы и утратой интереса к фольклору как к источнику исторической информации подобная работа тогда прекратилась. Формально итог ей подвела книга С. Томпсона, но она не была ни сюжетным указателем, ни базой данных, а всего лишь антологией [5].

Поскольку наша система способна включать как ранее не выделенные эпизоды, так и те, что содержатся в АТУ, ее можно рассматривать в качестве аналога этого указателя, но с измененными формулировками и с учетом традиций не только нуклеарной зоны Старого Света, но всего мира. Важное отличие от АТУ – отсутствие связи аналитических единиц с жанровой принадлежностью текстов, поскольку не только в Америке, но и в периферийных областях Старого Света характерная для Западной Евразии и Северной Африки жанровая система либо вовсе отсутствует, либо не охватывает всего набора традиционных нарративов. Есть также немало случаев, когда одинаковые эпизоды присутствуют в текстах разных жанров. Поскольку наш указатель [34] существует в электронной, а не в печатной форме и материал в него добавляется ежедневно, формулировки иногда корректируются, а условные цифровые обозначения не системны (типа K120a3, M39a6f). При автоматическом поиске это не имеет значения.

Эпизоды, о которых только что шла речь, мы при необходимости называем мотивами-эпизодами, хотя чаще просто мотивами. Почему не просто эпизодами?

Помимо мотивов-эпизодов, в традиционных нарративах и в этнографических описаниях содержатся еще и мотивы-образы, отражающие представления о мире и его элементах. Они могут иногда совпадать с элементарными мотивами С. Томпсона, но поиски таких совпадений и присваивание соответствующих номеров не имеет особого смысла, ибо, как подчеркивалось, томпсоновский указатель не содержит сколь-либо адекватного списка

источников. Примером мотива-образа может служить обозначение Плеяд как «курицы с цыплятами». В некоторых африканских и европейских традициях оно не имеет никакого объяснения и не связано ни с каким нарративом. Однако самого этого названия достаточно, чтобы проследить межкультурные параллели и установить, откуда и когда данный образ, скорее всего, проник в Африку и Европу [35 с. 185–189]. В некоторых случаях мотивы-образы разумнее рассматривать отдельно от мотивов-эпизодов, но в других – вместе с ними. Именно поэтому за обеими аналитическими единицами закреплен общий корневой термин – «мотив».

Помимо образов и эпизодов, в традиционных нарративах встречаются и другие транскультурно распространенные элементы: личные имена, привязка типов персонажей к животным определенных видов, те или иные зачины, концовки и прочие словесные формулы и т. д. Все это тоже «мотивы».

Возраст мотивов

Оставаясь в границах фольклора и мифологии, установить время распространения мотивов (а именно это мы понимаем под «возрастом») невозможно. Даже если в текстах упоминаются реалии, заведомо отсутствовавшие ранее определенной эпохи (хлеб, кузнец, падишах и т.п.), сходные образы и эпизоды могли появиться раньше, но вместо культурных растений в них фигурировали дикорастущие, вместо обработки металла – обработка камня, вместо правителей государств – лидеры более низкого уровня [36]. Интуитивные оценки определенных эпизодов и образов как «архаических», «восходящих к первобытной эпохе» и т. п. (например, [37 с. 80–81]) обсуждать вообще не имеет смысла.

Датировка мотивов основана на сопоставлении ареалов их распространения с данными археологии, популяционной генетики, лингвистики и (для поздних периодов) письменной истории. Если зона фиксации мотива примерно совпадает с той зоной, в пределах которой распространены определенные археологические культуры, языки или генетические особенности, то это есть основание для гипотезы о переносе элементов фольклора в ходе соответствующих демографических и культурных процессов, датированных методами тех исторических дисциплин, которые обладают соответствующими возможностями. Альтернатив для подобной гипотезы две. Либо это случайность (но при наличии массового материала ее вероятность ничтожно мала), либо формирование определенной области распространения мотива происходило не в результате миграции людей или хотя бы идей, а под действием определенных природных и социальных факторов. Эта вторая воз-

возможность теоретически сохраняется, но до сих пор нам не удалось отыскать конкретные свидетельства в ее пользу.

Наиболее надежны те случаи, когда одинаковые группы мотивов со сходным распределением и отчасти сходной тематикой представлены на разных континентах (или островных территориях), контакты между которыми могли иметь место только в определенные эпохи, а позже оборвались. Если время прекращения контактов примерно известно, следует полагать, что на территории, которая должна была выступать в роли донора, соответствующие мотивы существовали к моменту их проникновения на территорию, выступавшую в роли реципиента.

Отметим три показательных случая.

Фольклорно-мифологические параллели между Африкой (южнее Сахары) и индо-тихоокеанской окраиной Азии должны относиться ко времени не позже 60 тыс. л. н. [38,39,40,41,42 с. 354–357,43,44]. (Последние данные о времени, путях миграций сапиенсов с африканской прародины см. в [45].) Они подтверждены распространением 10–15 мотивов, больше половины которых связаны с темой объяснения смертности человека. Речь идет о расселении людей современного типа, мигрировавших на восток вдоль берега Индийского океана в пределах той же климатической зоны, что и на африканской прародине. Время первичного появления соответствующих мотивов в Африке установить невозможно, но и 60 тысяч лет достаточно. Мало сомнений в наличии у ранних сапиенсов языка. Однако наши данные свидетельствуют в пользу того, что этот язык был достаточно развит для передачи содержания мифов, и подобный вывод вряд ли можно назвать тривиальным.

Параллели между индо-тихоокеанской окраиной Азии и Южной (а также Центральной) Америкой и отчасти Северной Америкой должны соответствовать раннему этапу заселения Нового Света, в ходе которого мигранты, скорее всего, продвигались вдоль океана по затопленному ныне континентальному шельфу. Основанные на данных археологии датировки самых древних памятников в Америке заставляют предполагать, что в Азии эти мотивы должны были быть известны не позже 17–20 тыс. л. н. Мотивов этих порядка сотни – гораздо больше, чем принесенных из Африки [35 с. 20–72, 42 с. 354–370]. Основная масса упомянутых выше африканских мотивов также была перенесена из Азии в Новый Свет, но большинство параллелей в Африке не имеют. В этом циркумтихоокеанском комплексе наиболее заметны мотивы, касающиеся антропо- и социогенеза, происхождения человеческой анатомии, описывающие «странные браки» (с животными и чудовищами) и т.п. Сюда же относятся и мотивы, встречающиеся в повествованиях о происхождении культурных и пищевых

дикорастущих растений. В Африке, для которой характерен тот же тип земледелия, что для Индонезии и Амазонии, мотивы данной группы отсутствуют или во всяком случае крайне редки. В Западной Евразии «земледельческих» мотивов также мало и они иные, нежели в циркумтихоокеанском регионе. 15–20 тыс. л. н. земледелия в Китае еще не было, поэтому остается предполагать, что первоначально объяснения касались дикорастущих растений и лишь потом – независимо в Азии и в Америке – были перенесены на культурные виды.

Третья группа поддающихся датировке мотивов связывает Сибирь с прилегающими районами Центральной Азии и Северную Америку. В Южной Америке этих мотивов либо нет вовсе, либо они представлены единичными вкраплениями на западе и северо-западе континента, но не в Восточной Бразилии и не на Огненной Земле [35 с. 90–166; 42 с. 371–400]. Речь должна идти о поздних этапах заселения Нового Света, когда основной поток мигрантов двигался уже не вдоль моря, а по освободившимся от льда внутренним территориям. Датировка – позже 13–14 тыс. л. н., а заключительный период мог относиться уже к голоцену. Эти мотивы тоже исчисляются десятками, причем непропорционально большую долю составляют эпизоды и образы, отражающие представления об объектах ночного неба. Это означает, что 10 тыс. л. н. в Сибири уже были распространены те представления о Большой Медведице, Млечном Пути и лунных пятнах, которые зафиксированы для XIX – первой половины XX в.

Что касается еще двух случаев, то для датировки мотивов в пределах территории-донора они несущественны, поскольку речь идет о немногих тысячелетиях. Однако эти данные важны для оценки времени распространения мотивов в пределах территории-реципиента, поскольку там они составляют значимую часть фольклорно-мифологического тезауруса. Можно предположить, что ранее подобный тезаурус был либо гораздо беднее, либо иным (и не поддающимся реконструкции).

Одна из таких групп – мотивы, вероятно, перенесенные из Юго-Восточной и Южной Азии в Африку в ходе морских контактов. По данным археологии и лингвистики, эти контакты относятся к середине II тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. [46]. Соответствующих мотивов меньше десятка, но половина из них отражает «неолитический» уровень культуры. Это значит, что и без того скудный набор африканских этиологических мотивов, имеющих отношение к производящему хозяйству, до начала азиатских контактов был еще беднее или даже вовсе отсутствовал.

Вторая группа датируемых мотивов, имеющих небольшую глубину во времени, связывает древнеяпонскую мифологию в том

виде, как она известна по «Кодзики», «Нихон-сёки» и некоторым другим источникам, с австронезийским миром (Тайвань – Филиппины – Калимантан) [47]. Подобные параллели не только подтверждают гипотезу проникновения австронезийцев на юг Японии до заселения островов предками исторических японцев, но и заставляют поставить вопрос: почему именно это австронезийское наследие оказалось тем субстратом, на котором выросла идеология японской элиты до принятия буддизма?

Протагонисты сказки о животных

В основу указателя АТУ положены особенности фабулы. Исключением является лишь отнесение к разным разделам (сказкам о животных либо к сказкам об одураченном черте) сюжетов с участием антропоморфных и зооморфных персонажей, даже если фабула идентична. В остальном господствуют такие формулировки, как «Кролик (шакал) хочет перебраться на другой берег реки» (№ 58), «Лиса (кот, шакал) и волк (медведь, мышь) живут вместе» (№ 15) и т. п. Однако видовая принадлежность персонажей-животных, личные характеристики антропоморфных протагонистов типа «лысый» или «безбородый», а также личные имена для исследования направления межкультурных связей важны точно так же, как и наборы эпизодов и образов. По существующим указателям проследить распространение подобных мотивов невозможно, эта «опция» не предусмотрена. Одной из задач, которые ставились при создании нашего каталога, было заполнение данного пробела.

Типичным протагонистом нарративов с зооморфными персонажами является «идеальный трикстер», т. е. персонаж, совмещающий две важнейшие оппозиции: сильный/слабый и свой/чужой [48]. В мировом фольклоре идеальные трикстеры известны не повсеместно (их нет, например, в Океании и на востоке Южной Америки) и с ними ассоциируются лишь немногие виды животных. Прежде всего это лиса/шакал/койот и заяц/кролик (рис. 1). Трикстер-ворон известен в пределах гораздо меньшей территории, а паук, норка, канадская сойка и некоторые другие – еще меньшей [49,50,51]. Североамериканский трикстер-койот (вместе с биологически стоящими ближе к койоту, хотя именуемыми в фольклорных текстах лисой южноамериканскими псовыми) со сказочными лисой и шакалом из Старого Света может быть и не связан, пока определить это невозможно.

Территориальная приуроченность идеального трикстера определенного вида и набор сюжетов, в которых этот трикстер представлен, являются независимыми величинами. Одинаковые эпизоды

Рис. 1. Примерное мировое распространение идеальных трикстеров.

1. Лиса (шакал). 2. Койот и южноамериканские лисицы.
3. Заяц (кролик). 4. Ворон. 5. Как ворон, так и лиса либо койот.
6. Как заяц (кролик), так и лиса либо койот

в Северной и Северо-Восточной Африке будут связаны с лисой (шакалом), в тропической – с зайцем, а в Юго-Западной – снова с лисой (шакалом), при том, что проявляющиеся в таких эпизодах хищнические повадки, вполне ожидаемые для лисы и шакала, выглядят странными, если их проявляет заяц [40 с. 226–237]. Очень похоже, что видовая характеристика трикстера устойчивее (и соответственно древнее), нежели ареальные наборы трикстерских мотивов-эпизодов.

Кроме идеальных трикстеров, в сказках о животных действуют трикстеры-победители и трикстеры-неудачники. Провести определенную границу между трикстером-неудачником, который совершает нелепые поступки и легко поддается на провокации, и просто противником, невозможно, но проигрывает персонаж в любом случае именно потому, что оказывается недостаточно дальновидным. Эпизоды, в которых победа над зооморфным противником объясняется не сделанной им ошибкой, а другими причинами, мы не учитываем. К числу неудачников/противников относятся все крупные и средние хищники, в частности волк, медведь, лев, тигр, леопард (вместе со снежным барсом),

ягуар, гиена и росوماха. Животных, систематически выступающих в роли трикстеров-победителей, меньше. Это еж в Западной Евразии и Северной Африке, карликовый олень в Малайзии и Западной Индонезии и, видимо, черепаха в тропической Африке и на востоке Южной Америки.

В целом области распространения фольклорных неудачников-противников близко совпадают с территориями обитания соответствующих животных. В этом их отличие от идеальных трикстеров, поскольку как лиса/койот, так и заяц/кролик обитают в самых разных районах Евразии и их фольклорные аналоги должны были поделить между собой территорию в силу исторических, а не природных причин.

Некоторые различия между природными зонами обитания соответствующих видов и областями распространения соответствующих зооморфных персонажей все же есть. Тигр и особенно лев фигурируют в текстах, записанных далеко за пределами территорий, на которых эти животные жили, по сути дела, маркируя зоны влияния переднеазиатско-средиземноморского и восточноазиатского центров культурно- и политогенеза. Карты распространения этих образов выглядят эффектно, но неожиданной информации не содержат. Значительно интереснее неполное совпадение фольклорных и биологических ареалов для волка (рис. 2) и медведя (рис. 3).

Животные этих видов обитают или обитали в прошлом в пределах всей холодной и умеренной зоны Евразии и Северной Америки (и отчасти южнее). В пределах основной территории Евразии сказочные волк и медведь являются, как правило, жертвами лисы. В приатлантической Европе медведь-неудачник встречается значительно реже волка, а в некоторых традициях (португальской, галисийской, баскской, бретонской, английской, ирландской, шотландской) вовсе отсутствует, или во всяком случае, исключительно редок. Правда, в этих районах медведь и в природе мог быть менее обычен, нежели в зоне тайги, а теперь вообще давно выбит. С Северной Америкой ситуация, однако, иная. Здесь фольклорный волк в роли неудачника/противника встречается несопоставимо реже медведя, причем не всегда понятно, идет ли действительно речь о волке, или же о койоте, которого европейцы имели обыкновение тоже называть волком. Основные эпизоды, в которых фигурирует этот волк, – те же, в которых фигурирует койот. Что же касается медведя (чаще всего гризли), то в текстах североамериканских индейцев он обычен – особенно на северо-западе континента. Есть несколько эпизодов, в которых фольклорный медведь в итоге гибнет или не может добыться желаемого. Он проглатывает вместо мяса раскаленные или

Рис. 2. Традиции, в которых волк выступает
в роли неудачника-противника

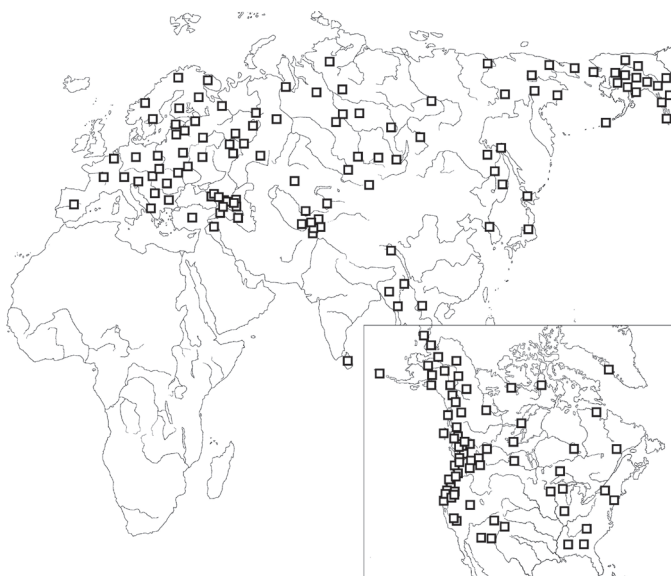

Рис. 3. Традиции, в которых медведь выступает
в роли неудачника-противника

острые камни, у него отбирают оторванную и похищенную им руку другого персонажа или похищенное им солнце, он проигрывает в споре о продолжительности зимы или иных временных отрезков и умирает, когда небольшое животное забирается ему внутрь и грызет сердце.

Таким образом, хотя фольклорные волк и медведь распространены по всему умеренному и холодному поясу Северного полушария, с точки зрения частоты встречаемости зона волка смещена к Европе, а зона медведя – к Америке. Эту дихотомию можно сопоставить с разделением Евразии на восточную и западную половины, выявленным после статистической обработки космологических и этиологических (а не приключенческих и трикстерских) мотивов [52 рис. 5; 53 fig. 4]. Поскольку довольно сходная картина вырисовывается по материалам генетики, подобное деление должно быть древним и может, например, отражать панконтинентальный демографический сдвиг после завершения ледникового максимума (поскольку население смещалось с юга на север, генетические и фольклорные связи направлены меридионально). Так это или нет, судить пока рано, но объяснить все лишь тем, что для европейских пастухов волки были опасней медведей, а кадыкский медведь больше и свирепее европейского, невозможно. Хотя на северо-востоке Сибири фольклорный медведь-неудачник/противник и встречается чаще волка, чем на Пиренейском полуострове, волк в сказках народов Чукотки все же обычен, тогда как у большинства американских аборигенов он в роли неудачника-противника вообще не представлен.

В связи с ареалами распространения персонажей стоит отметить еще один важный момент. Медведь в паре с лисой (что для Евразии типично) в Новом Свете известен лишь эскимосам и северным атапаскам. Лиса выступает в качестве обманщика и при этом оценивается позитивно, а медведь своих целей не достигает и терпит ущерб. Подобные эпизоды есть в фольклоре инуиат Берингова пролива [54 р. 44–45], медных эскимосов [54 р. 78] и эскимосов Лабрадора [55 р. 22], а среди атапасков – у коюкон [56 р. 89–105], кучин [57 р. 91–92] и южных тутчони [58 р. 26–27]. Но если нарративы, записанные у инуиат, почти совпадают с вариантами соседних азиатских эскимосов и чукчей (типичный: лиса говорит, что боится людей, а медведь – что взлетающих куропадок, но встреча с человеком заканчивается для него плачевно), то остальные американские варианты связаны с темой спора животных о продолжительности единиц времени или необходимости тьмы или света [42 с. 379–381] и в Сибири обнаруживают аналогии лишь далеко от Берингова пролива – на Алтае [59 с. 71].

Что из этого следует? Первое: что в период, синхронный основным этапам заселения Нового Света (до начала голоцена),

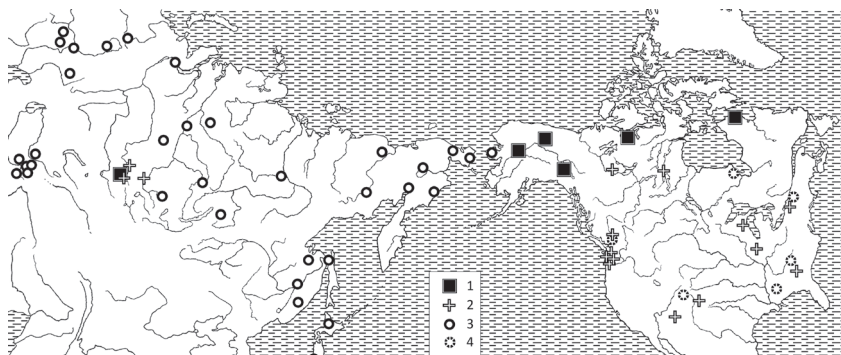

Рис. 4. Пара «лиса и медведь» в Азии и Америке. 1. Спор лисы и медведя о продолжительности отрезков времени в календаре, необходимости тепла или холода (медведь проигрывает). 2. То же, но вместо лисы другие животные (все сибирские варианты локализованы в алтае-саянском регионе). 3. Различные сюжеты, в которых лиса с помощью обмана одерживает верх над медведем. 4. Только сюжет АТУ 2 «Ловля рыбы на опущенный в прорубь хвост». В Америке за пределами Аляски этот сюжет, скорее всего, заимствован от европейцев, при том что на выбор медведя, а не волка в качестве жертвы лисы могла повлиять местная индейская традиция

в Восточной и Северо-Восточной Сибири сказок о животных в характерной для Евразии форме еще не было, иначе бы они проникли в Северную Америку, как это случилось с рядом образов, касающихся объектов ночного неба, и с некоторыми приключенческими эпизодами.

Второе: вскоре после того, как заселение Америки в основном завершилось, близкие к сказке о животных нарративы с зооморфными протагонистами в Сибири все-таки появились. То, что фольклорная пара медведь–лиса зафиксирована у эскимосов и атапасков, свидетельствует именно об этом. Языковыми предками на-дене (и соответственно атапасков) с наибольшей вероятностью были создатели докерамической сумнагинской культуры северо-востока Азии, элементы которой прослеживаются в памятниках раннего голоцена Аляски [42 с. 444–450]. Археологически сумнагинцы южнее Якутии не замечены, но все азиатские параллели в атапаскском фольклоре сосредоточены в алтайском регионе [60,61], т. е. там же, где и отмечена история про спор лисы и медведя. Ответственными за инновации в фольклоре американского северо-запада могли быть и предки эскимосов, но эскимосский фольклор, в отличие от атапаскского, не содержит параллелей с Алтаем.

Третье – большинство записанных в Сибири сюжетов с зооморфными персонажами распространились еще позже, поскольку при полном отсутствии аналогий в Америке таковые обнаруживаются в Тибете, Казахстане, Европе.

Об относительно позднем распространении сказки о животных в знакомой нам форме если не по всей Евразии, то по крайней мере в Сибири свидетельствуют и западносибирские данные. Лиса-трикстер, волк- и медведь-неудачники встречаются в местной традиции (не считая ненецкой) намного реже, чем в сопредельных регионах – волжско-пермском, восточносибирском и туркестанском (рис. 1–3). Характерные для Западной Сибири антропоморфные трикстеры отличаются от антропоморфных трикстеров нуклеарной Евразии и скорее напоминают соответствующих персонажей Северной Америки вроде описанного П. Радиным протагониста повествований виннебаго. Если бы североевразийский набор эпизодов и персонажей (лиса, волк, медведь) распространился в период, сопоставимый по древности со временем заселения Америки, маловероятно, чтобы Западная Сибирь осталась в стороне от этого процесса. Но если речь идет лишь о последних тысячелетиях, сохранение отдельными регионами своеобразия объяснить легче.

Перспективы

Хотя работа по созданию текстового каталога фольклора и мифологии мира и соответствующей цифровой базы данных длится уже почти четверть века, она не будет завершена в обозримом будущем. По мере включения нового материала открываются перспективы выявления таких тенденций, о существовании которых мы не подозреваем. Все они в той или иной степени связаны с определением возраста мотивов. Некоторые из актуальных исследовательских тем сейчас не рассматривались. Например, на повестке дня стоит вопрос о происхождении набора мотивов, отраженных в европейских сказках. Ясно, что попытки прослеживания истории распространения отдельных мотивов в духе Финской школы не плодотворны. Столь же сомнительны и попытки анализа данных фольклора заимствованными у генетиков методами, когда определенный сюжет или несколько частично похожих сюжетов уподобляются гаплогруппам, а на выходе получается граф, якобы отражающий эволюцию сюжета во времени. Доказать применимость такой методики трудно, поскольку заведомо не известно, развивались ли соответствующие сюжетные варианты по цепочке или обменивались эпизодами с другими сюжетами.

С нашей точки зрения, наиболее продуктивно не прослеживание истории отдельных сюжетов, а сопоставление региональных комплексов мотивов, но не в совокупности, а по тематическим группам. Карты распространения мотивов в Евразии чаще всего связывают Европу либо с Центральной Азией и Южной Сибирью, либо с территориями от Кавказа до Юго-Восточной Азии. При этом есть и мотивы, которые за пределами Европы неизвестны. Соответственно хотелось бы определить направления межрегионального переноса мотивов и время, когда это происходило. Если бы удалось выделить собственно европейский фольклорный компонент, то, возможно, удалось бы и наметить в нем временные слои. Пока эти исследования лишь в самом начале.

Литература

1. *Tehrani J.J.* The phylogeny of little red riding hood. *PLoS One*. 2013. 8 (11). e78871.
2. *Tehrani J.J., Nguyen Q., Roos T.* Oral Fairy Tale or Literary Fake? Investigating the Origins of Little Red Riding Hood Using // Phylogenetic Network Analysis. *Digital Scholarship in the Humanities*. 2016. 31 (3). P. 611–636.
3. *Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004. Vols. 1–3.
4. *Thompson S., Roberts W. E.* Types of Indic Oral Tales. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1960. 181 p.
5. *Thompson S.* Tales of the North American Indians. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1929. 387 p.
6. *Thompson S.* The star husband tale. *The Study of Folklore* / Alan Dundes (ed.). Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1965. P. 414–474.
7. *Thompson S.* Analogues and borrowings in North and South American Indian tales // Earl H. Swanton Jr. (ed.) *Languages and Cultures of Western North America*. Pocatello: Idaho State Univ. Press, 1970. P. 277–288.
8. *Thompson S.* Motif-Index of Folk Literature. Helsinki: Suomalainen Teadeakatemia, 1932–1936. Vol. I–VI.
9. *Thompson S.* Motif-index of Folk-Literature; a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Rev. and enl. ed. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1955–1958. Vol. I–VI.
10. *Thompson S.* The Folktale. N. Y.: The Dryden Press, 1946. 510 p.
11. *Jason H.* The Russian criticism of the “Finnish school” in folktale scholarship // *Norweg.* 1970. № 14. P. 285–294.
12. *Путилов Б.Н.* Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970) / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдов, Е.М. Мелетинский. М.: Наука, 1975. С. 141–155.

13. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
14. *Schmidt S.* A Catalogue of Khoisan Folktales of Southern Africa. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2013. P. 1–2.
15. *Benfey T.* Panschatantra. Erster Theil. Leipzig: Brockhaus, 1859. 611 s.
16. *Cosquin E.G.* Études Folkloriques. Recherches sur les migrations des contes populaires et leur point de départ. Paris: Édouard Champion, 1922. 635 p.
17. *Cosquin E.G.* Les contes indiens et l'Occident. P.: Édouard Champion, 1922. 623 p.
18. *Ольденбург С. Ф.* Странствование сказки // Восток. Кн. 4: Сб. ст. М.; Л.: Всемирная литература, 1924. С. 157–160.
19. *Тугов В. Б.* Абазинские народные сказки / Сост., пер. с абазинск., вступ. ст. и примеч. В.Б. Тугова. М.: Наука, 1985. 411 с.
20. *Boas F.* Indianische Sagen von der Nordpazifischen Küste Amerikas. Berlin: Asher, 1895. 363 S.
21. *Boas F.* Tsimshian mythology. 31st Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1909–1910). Washington: Government Printing Office, 1916. P. 29–1037.
22. *Bortolini E., Pagani L., Crema E.R., Sarno S., Barbieri C., Boattini A., Sazzini M., Graça da Silva S., Martini G., Metspalu M., Pettener D., Luiselli D., Tehrani J.J.* Inferring patterns of folklore diffusion using genomic data // PNAS. 2017. 114 (34). URL: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1614395114 (дата обращения 18.12.2018).
23. *Graça da Silva S., Tehrani J.J.* Comparative philogenetic analyses uncover the ancient roots of Indo-European folktales // Royal Society Open Science. 2016. 3 (1). P. 150–645.
24. *Barrett R. A.* The paradoxical anthropology of Leslie White // American Anthropologist. 1989. 91 (4). P. 986–999.
25. *Benedict R.* Eight stories from Acoma // Journal of American Folklore. 1930. 43 (167). P. 59–87.
26. *White L. A.* The Acoma Indians. 47th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1929–1930). Washington: Government Printing Office, 1932. P. 15–192.
27. *Левинтон Г.А.* Типологический указатель мотивов // Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии / Сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. М.: Наука, 1985. С. 560–660.
28. *Wilbert J., Simoneau K.* Folk Literature of South America Indians. General Index. Los Angeles: Univ. of California, 1992. 1323 p.
29. *Березкин Ю. Е.* Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 153–170.
30. *Boas F.* Indian Myths and Legends from the North Pacific Coast of America. A translation of Franz Boas' 1895 edition of Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas / Ed. and annot. by Randy Bouchard

- and Dorothy Kennedy; transl. by Dietrich Bertz. Vancouver: Talonbooks, 2002. 702 p.
31. *Kroeber A. L.* Catch-words in American mythology // *Journal of American Folklore*. 1908. 21 (81–82). P. 222–227.
 32. *Lowie R. H.* Catch-words for mythological motifs // *Ibid.* 21 (80). P. 24–27.
 33. *Lowie R. H.* The test-theme in North American Mythology // *Ibid.* 21 (81–82). P. 97–148.
 34. *Березкин Ю.Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения 18.12.2018).
 35. *Березкин Ю.Е.* Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 316 с.
 36. *Березкин Ю.Е.* «Трудные задачи»: типология, ареальная приуроченность и оценка древности образов // *Живая старина*. 2017. № 112 (94). С. 5–9.
 37. *Юдин Ю.И.* Дурак, шут, вор и черт (исторические корни бытовой сказки). М.: Лабиринт, 2006. 336 с.
 38. *Березкин Ю.Е.* Происхождение смерти – древнейший миф // *Этнограф. обозрение*. 2007. № 1. С. 70–89.
 39. *Березкин Ю.Е.* Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. 4 (32). С. 110–123.
 40. *Березкин Ю.Е.* Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 319 с.
 41. *Березкин Ю.Е., Боринская С.А.* О чем говорили наши далекие предки // *Природа*. 2014. № 12. С. 48–54.
 42. *Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С. Б., Табарев А. В.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 680 с.
 43. *Соколов А.Б., Власова Е.М., Боринская С.А., Березкин Ю.Е.* Мифы о происхождении человека // *Природа*. 2017. 10. С. 84–90.
 44. *Berezkin Yu.* Why Are People Mortal? World Mythology and the “Out-of-Africa” Scenario // Peter N. Peregrine, Ilia Peiros, and Marcus Feldman (eds.). *Ancient Human Migrations. A Multidisciplinary Approach*. Salt Lake City: The Univ. of Utah Press, 2009. P. 242–264.
 45. *Bae C.J., Douka K., Petraglia M.D.* On the origin of modern humans: Asian perspectives // *Science*. 2017. 358 (6368): eaai9067.
 46. *Березкин Ю. Е.* Азиатский след в африканском фольклоре в свете данных о трансконтинентальных связях в акватории Индийского океана во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // *Зографский сборник*. Вып. 5: Сб. ст. / Отв. ред. М.Ф. Альбедиль и Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 23–44.

47. *Березкин Ю.Е.* Кантайхейо ни океру Нихон синва мотиву но бунпу [Распространение мотивов японской мифологии в циркумтихоокеанском регионе] / Пер. Хитоси Шимада // Кантайхейо но Нихонсинва [Японская мифология в циркумтихоокеанском регионе]. Токио: Бенсей Суппан, 2012. С. 25–41. (На яп. яз.). (Адзиа Юогаку [Загадочная Азия], 158, Спец. вып.).
48. *Березкин Ю. Е.* Трикстер как серия эпизодов // *Studia ethnologica*. Труды факультета этнологии. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2004. С. 98–165.
49. *Березкин Ю.Е.* Зооморфные трикстеры: закономерности ареального распределения // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме: Сб. ст. / Отв. ред. М. А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 29–42.
50. *Berezkin Yu.* Tricksters trot to America. Areal distribution of folklore motifs // *Folklore*. 2010. 46. P. 125–142.
51. *Berezkin Yu.* World distribution of zoomorphic protagonists of the trickster tales // Chiwaki Shinoda (ed.) *Route de la soie dans la mythologie*. Chiba: Librarie Rakuro, 2014. P. 447–458.
52. *Березкин Ю.Е.* Восточнославянский фольклор в европейском и евразийском контексте (результаты статистической обработки данных) // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 9–24.
53. *Berezkin Yu.* Stratigraphy of cultural interaction in Eurasia based on computing of folklore motifs // *Trames. Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. 20 (3). P. 217–227.
54. *Jenness D.* *Myths and Traditions from Northern Alaska, the Mackenzie Delta and Coronation Gulf*. Ottawa: the Canadian Arctic Expedition, 1924. 90 p.
55. *Millman L.A* *Kayak Full of Ghosts. Eskimo Folk Tales*. Northampton, MA: Interlink Publishing Group, 2004. 208 p.
56. *Attla C.* *Sitsiy Yugh Noholnik Ts'in'*. As My Grandmother Told It. Traditional Stories from the Koyukuk told by Catherine Attla / Transcribed by Eliza Jones, translated by Eliza Jones and Melissa Axelrod. Fairbanks: Yukon-Koyukuk School District and Alaska Native Language Center, 1983. 258 p.
57. *McKenna R.A.* *The Chandalar Kutchin*. Montreal: Arctic Institute of North America, 1965. 156 p.
58. *Workman M.* *Kwädäy Kwändür. Traditional Southern Tutchone Stories*. Whitehorse, Yukon: Yukon Native Language Center, 2000. 128 p.
59. *Тюхтенева С.П.* Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 169 с.
60. *Березкин Ю.Е.* Сибирский фольклор и происхождение на-дене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1 (61). С. 122–134.
61. *Berezkin Yu.* Athabaskan – Siberian folklore Links in search of Na-Dene origins // *Folklore (London)* / 2019;130(1):31-47.

References

1. Tehrani JJ. The phylogeny of little red riding hood. *PLoS One*. 2013;8(11): e78871.
2. Tehrani JJ., Nguyen Q., Roos T. Oral Fairy Tale or Literary Fake? Investigating the Origins of Little Red Riding Hood Using. *Phylogenetic Network Analysis. Digital Scholarship in the Humanities*. 2016;31(3):611–636.
3. Uther H.-J. *The Types of International Folktales*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004. Vols. 1–3.
4. Thompson S., Roberts WE. *Types of Indic Oral Tales*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1960. 181 p.
5. Thompson S. *Tales of the North American Indians*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1929. 387 p.
6. Thompson S. The star husband tale. *The Study of Folklore / Alan Dundes* (ed.). Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1965. p. 414–474.
7. Thompson S. Analogues and borrowings in North and South American Indian tales. V: Earl H. Swanton Jr. (eds.) *Languages and Cultures of Western North America*. Pocatello: Idaho State University Press, 1970. p. 277–288.
8. Thompson S. *Motif-Index of Folk Literature*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1932–1936. Vol. I–VI.
9. Thompson S. *Motif-index of Folk-Literature; a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*. Rev. and enl. ed. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1955–1958. Vol. I–VI.
10. Thompson S. *The Folktale*. New York: The Dryden Press, 1946. 510 p.
11. Jason H. The Russian criticism of the “Finnish school” in folktale scholarship. *Norveg*. 1970. 14. P. 285–294.
12. Putilov BN. The motif as tale type producing element V: *Typological studies in folklore: a collection of papers in memory of Vladimir Yakovlevich Propp (1895–1970)*, SYu. Neklyudov and YeM. Meletinskiy, (eds.). Moscow: Nauka Publ., 1975. p. 141–155. (In Russ.)
13. Veselovskiy AN. *The historical poetics*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1989. 405 p. (In Russ.)
14. Schmidt S. *A Catalogue of Khoisan Folktales of Southern Africa*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2013. Parts 1–2.
15. Benfey T. *Pantschatantra*. Erster Theil. Leipzig: Brockhaus, 1859. 611 s. (In German)
16. Cosquin EG. *Études Folkloriques. Recherches sur les migrations des contes populaires et leur point de départ*. Paris: Édouard Champion, 1922. 635 p. (In French)
17. Cosquin EG. *Les contes indiens et l'Occident*. Paris: Édouard Champion, 1922. 623 p. (In French)
18. Ol'denburg SF. The wandering of the folktale. *East*. Book 4. Moscow & Leningrad: Vsemirnaya Literatura Publ., 1924. p. 157–160. (In Russ.)

19. Tugov VB. (ed.) *The Abaza folktales*. Moscow: Nauka Publ., 1985. 411 p. (In Russ.)
20. Boas F. *Indianische Sagen von der Nordpazifischen Küste Amerikas*. Berlin: Asher, 1895. 363 s. (In German)
21. Boas F. *Tsimshian mythology*. 31st Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1909–1910). Washington: Government Printing Office, 1916. p. 29–1037.
22. Bortolini E., Pagani L., Crema ER., Sarno S., Barbieri C., Boattini A., Sazzini M., Graça da Silva S., Martini G., Metspalu M., Pettener D., Luiselli D., Tehrani JJ. Inferring patterns of folklore diffusion using genomic data. *PNAS*. 2017;114(34). URL: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1614395114.
23. Graça da Silva S., Tehrani JJ. Comparative phylogenetic analyses uncover the ancient roots of Indo-European folktales. *Royal Society Open Science*. 2016;3(1):150–645.
24. Barrett R. A. The paradoxical anthropology of Leslie White. *American Anthropologist*. 1989;91(4):986–999.
25. Benedict R. Eight stories from Acoma. *Journal of American Folklore*. 1930;43(167):59–87.
26. White LA. *The Acoma Indians*. 47th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1929–1930). Washington: Government Printing Office, 1932. p. 15–192.
27. Levinton GA. Index of tale types. V: G.A. Menovschikov (ed.). *Tales and Myths of the Eskimo of Siberia, Alaska, Canada and Greenland*. Moscow: Nauka Publ., 1985. p. 560–660. (In Russ.)
28. Wilbert J., Simoneau K. *Folk Literature of South America Indians. General Index*. Los Angeles: University of California, 1992. 1323 p.
29. Berezkin Yu. Distribution of folklore motifs as information exchange, or Where the West meets the East. *Forum for Anthropology and Culture*. 2015;26:153–170. (In Russ.)
30. Boas F. Indian Myths and Legends from the North Pacific Coast of America V: Randy Bouchard and Dorothy Kennedy (eds.) *A translation of Franz Boas' 1895 edition of Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas*; trans. by Dietrich Bertz. Vancouver: Talonbooks, 2002. 702 p.
31. Kroeber AL. Catch-words in American mythology. *Journal of American Folklore*. 1908;21 (81–82):222–227.
32. Lowie RH. Catch-words for mythological motifs. *Journal of American Folklore*. 1908;21 (80):24–27.
33. Lowie RH. The test-theme in North American Mythology. *Journal of American Folklore*. 1908;21 (81–82):97–148.
34. Berezkin Yu., Duvakin Ye. *Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution* (ca. 55,000 abstracts of texts). Russian version at <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>. (In Russ.)

35. Berezkin Yu. *The Birth of the Starry Sky. Beliefs about the night luminaries in historical dynamics*. Saint Petersburg: Museum of Anthropology & Ethnography Publ. (In Russian with English abstract, content and captions for illustrations). 2017. 316 p. (In Russ.)
36. Berezkin Yu. "The difficult tasks": typology, areal distribution and assessment of age. *Zhivaya starina*. 2017;112(94):5–9. (In Russ.)
37. Yudin YuI. *The fool, the buffoon, the thief and the devil (historical roots of realistic tales)*. Moscow: Labirint Publ., 2006. 336 p. (In Russ.)
38. Berezkin Yu. The origin of death as the earliest myth. *Ethnographic digest* (Moscow). 2007a;1:70–89. (In Russ.)
39. Berezkin YuE. "Earth-diver" and "emergence from under the earth": cosmological tales as an evidence in favor of the heterogenic origins of American Indians. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 20076;4 (32):110–123. (In Russ.)
40. Berezkin YuE. *Africa, migrations, mythology. Areal patterns of folklore motifs from the historical perspective*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2013. 319 p. (In Russ.)
41. Berezkin Yu., Borinskaya S. What our remote ancestors were talking about. *Priroda*. 2014;12:48–54. (In Russ.)
42. Vasilyev AA., Berezkin YuE., Kozintsev AG., Peiros II., Slobodin SB., & Tabarev AV. *Settlement of the New World: a multidisciplinary study*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2015. 680 p. (In Russ.)
43. Sokolov AB., Vlasova YeM., Borinskaya SA., Berezkin Yu. (Myths of the origin of man. *Priroda*. 2017;10:84–90. (In Russ.)
44. Berezkin Yu. Why Are People Mortal? World Mythology and the "Out-of-Africa" Scenario. V: Peter N. Peregrine, Ilia Peiros, and Marcus Feldman (eds.). *Ancient Human Migrations. A Multidisciplinary Approach*. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2009. P. 242–264.
45. Bae CJ., Douka K., Petraglia MD. On the origin of modern humans: Asian perspectives. *Science*. 2017;358 (6368): eaai9067.
46. Berezkin Yu. The Asian trace in African folklore from the perspective of data on transcontinental connections in the Indian Ocean water area in the 2nd millennium BC – 1st millennium AD. *The Zograph collection*. Issue 5. M. F. Albedil and Ya. V. Vasilkov (eds.). Saint Petersburg: MAE RAN, 2016. p. 23–44.
47. Berezkin Yu. Kantaiheyō ni okeru Nihon shinwa mochifu no bunpu [The distribution of motifs found in Japanese mythology in the Circumpacific area] / Translated by Hitoshi Yamada. *Ajia Yūgaku* [Intriguing ASIA], 158. (Special Issue: Kantaiheyō no Nihonshinwa [Japanese mythology in the Circumpacific]). Tokyo: Bensei Shuppan, 2012. p. 25–41. (In Japanese.)
48. Berezkin Yu. The trickster as a series of episodes. *Studia ethnologica. Proceedings of the Faculty of Ethnology*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2004. p. 98–165. (In Russ.)

49. Berezkin Yu. Animal tricksters: tendencies of areal distribution. V: *Bestiaty III. Zoomorphic images in traditional universe*. Saint Petersburg: Museum of Anthropology & Ethnography Publ., 2014. p. 29–42. (In Russ.)
50. Berezkin Yu. Tricksters trot to America. Areal distribution of folklore motifs. *Folklore*. 2010;46:125–142.
51. Berezkin Yu. World distribution of zoomorphic protagonists of the trickster tales. V: Chiwaki Shinoda (ed.) *Route de la soie dans la mythologie*. Chiba: Librarie Rakuro, 2014. p. 447–458.
52. Berezkin YuE. The East Slavic folklore in the European and Eurasian context (results of statistical processing of data. *Forum for Anthropology and Culture*. 2016;31:9–24. (In Russ.)
53. Berezkin Yu. Stratigraphy of cultural interaction in Eurasia based on computing of folklore motifs. *Trames. Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016;20(3):217–227.
54. Jenness D. Myths and Traditions from Northern Alaska, the Mackenzie Delta and Coronation Gulf. Ottawa: the Canadian Arctic Expedition, 1924. 90 p.
55. Millman L. *A Kayak Full of Ghosts. Eskimo Folk Tales*. Northampton. MA: Interlink Publishing Group, 2004. 208 p.
56. Attla C. *Sitsiy Yugh Noholnik Ts'in'. As My Grandmother Told It. Traditional Stories from the Koyukuk told by Catherine Attla* / Transcribed by Eliza Jones, translated by Eliza Jones and Melissa Axelrod. Fairbanks: Yukon-Koyukuk School District and Alaska Native Language Center, 1983. 258 p.
57. McKennan RA. *The Chandalar Kutchin*. Montreal: Arctic Institute of North America, 1965. 156 p.
58. Workman M. *Kwädäy Kwändür. Traditional Southern Tutchone Stories*. Whitehorse, Yukon: Yukon Native Language Center, 2000. 128 p.
59. Tyukhteneva SP. *The Earth. The Sky. Altai-khan. Ethnic culture of the Altai people in the 20th century*. Elista: Izdatel'stvo KalmGU Publ., 2009. 169 p. (In Russ.)
60. Berezkin Yu. Siberian Folklore and the Na-Dene Origins. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2015;1(61):122–134. (In Russ.)
61. Berezkin Yu. Athabaskan – Siberian folklore Links in search of Na-Dene origins // *Folklore (London)* / 2019;130(1):31–47.

Информация об авторе

Березкин Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; berezkin1@gmail.com

Information about the author

Yuri E. Berezkin, Dr. of Sci. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; bld. 3, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, Russia, 199034; berezkin1@gmail.com